

ИГОРЬ БОБРОВ

ИСТОРИИ НЕСКУЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

2

СТУДЕНЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

В ГОРОДЕ НЕВЕСТ

Игорь Бобров

Студенческие истории (В городе невест)

<https://litres.ru/74104013>

SelfPub; 2026

Аннотация

«– Ну что, дядя, невесты в вашем городе есть?

– Кому и кобыла невеста

– Больше вопросов не имею!»

Илья Ильф и Евгений Петров

В те времена не было богатых, все были одинаково бедны Тянули от стипендии до стипендии, подрабатывали на ближайшей овощной базе, разгружая вагоны, иногда сдавали кровь — 400 грамм за пять рублей, которые в тот же вечер и прогуливали в ближайшем ресторанчике, но, когда совсем не было денег и уж очень хотелось выпить и закусить, выходили в центр города в большие дорогие рестораны «на динаму».

Игорь Бобров

Студенческие истории

(В городе невест)

Студенческие истории
(В городе невест)

«– Ну что, дядя, невесты в вашем городе есть?»

– Кому и кобыла невеста

– Больше вопросов не имею!»

Илья Ильф и Евгений Петров

1

Получать диплом инженера отправила меня мама на свою родину в Иваново. Там жили ее родная сестра с племянницей и был энергетический институт. Потом, конечно, поумнев, я понял, что место мое было в каком-нибудь институте народного хозяйства, поскольку уважаемые и состоятельные люди при социализме работали на торговых базах и в магазинах, а никак не на заводах и электростанциях, но тогда любовь к физике и технике стала решающей.

Сдал экзамены я легко, и первой дисциплиной студента-первокурсника стала трудовая практика в колхозе. Колхоз состоял из двух десятков покосившихся изб, бескрайне-

го картофельного поля и коровника, построенного студентами-стройотрядовцами пару лет назад. Мужиков в колхозе было всего трое. Вечно пьяные конюх и тракторист и трезвый, но всегда сердитый председатель-язвенник. Трезвым еще был конь Васька, мудрый и добрый. У Васьки перед трактором было одно явное преимущество — как его не по-нукай, он в стену не въедет, в речку не прыгнет и всегда вечером в конюшню пьяного конюха привезет.

Студентов расселили по избам. Нас в избе у бабы Кати поселилось четверо: веселых, бесшабашных, ничего не умеющих первокурсников. Пить самогон, курить и играть в преферанс меня научили мгновенно. Еще я научился собирать картошку в грязные мешки и грузить их на подводу. Председатель разъяснил нам, что мы не просто собираем картошку, а выполняем решение очередного пленума ЦК КПСС по полному обеспечению советского народа продовольствием. Через несколько дней, несмотря на постановление пленума ЦК КПСС, и, как всегда, неожиданно, наступила осень, и пошли дожди. Поле мгновенно раскисло, единственный картофелеуборочный комбайн завяз в грязи, трактор сломался — наступила тоска. Вечером появился председатель и при-волок ведро парного молока — дорога раскисло, молоковоз не пришел, молоко пропадает, а раз так — пусть студентки здоровья наберутся. После короткого производственного совещания был сделан вывод, что самогон из молока не выгнать, выливать продукт грех, поэтому придется его выпить.

Оказалось, что молоко из нас не любил никто. Решено было играть в карты на молоко. Проигравший пьет. Преферанс игра не простая, а я по наивности решил, что уже ее освоил — в итоге наказан был жестоко. Получив свои восемь взяток на мизере, я понял, что попал по полной. Под гусарское «Пей до дна! Пей до дна!» пил я стакан за стаканом и ненавидел всех коров на свете. Туалет был во дворе. Весь остаток ночи и следующий день я провел там или в соседних кустах. Баба Катя, думая, что я просто перепил самогона, в ужасе пыталась мне помочь, и все приговаривала:

— Ну как же так, сударик, ведь так и помереть недолго, может, тебе молочка попить, — говорят, помогает.

Молоко я возненавидел на всю оставшуюся жизнь...

Прекратить дожди коммунистической партии никак удалось, и тогда на прорыв были кинуты работники НИИ, учителя и медики. Под дождем бедные аспиранты, кандидаты и доктора наук вяло вилами выковыривали из земли картошку и отправляли ее гнить на овощехранилища. Последнюю точку в уборке картофельного поля поставили военные. Подогретые водочкой офицеры в плащ-палатках лихо командовали солдатиками, а те копали и грузили урожай в армейские грузовики лучше любого комбайна. Тогда я понял, что наша армия — самая сильная в мире и готова выполнить любую задачу! С колхозом мы простились без сожаления. Началась настоящая студенческая жизнь.

Жили студенты в то время весело и пьяно. Пили много, по поводу и без повода. В магазинах в средней полосе России с продуктами дело обстояло плохо. Без перебоев продавали только водку и хлеб. Вот мы ее, родимую, и пили, а хлебом с майонезом закусывали. В те времена не было богатых, все были одинаково бедны... Тянули от стипендии до стипендии, подрабатывали на ближайшей овощной базе, разгружая вагоны, иногда сдавали кровь — 400 грамм за пять рублей, которые в тот же вечер и прогуливали в ближайшем ресторанчике, но, когда совсем не было денег и уж очень хотелось выпить и закусить, выходили в центр города в большие дорогие рестораны «на динаму».

Город Иваново славился своими невестами на всю страну. Первые мануфактурные фабрики появилась там еще до революции. Страна советов, с присущим для эпохи индустриализации размахом, отгрохала в Иваново с десяток огромных ткацких комбинатов. Комбинатам, конечно, требовались ткачихи. Из окрестных деревень и поселков потянулись в город девчата, а рядом с комбинатами построили многоэтажные общежития-муравейники. Про женихов же для девчонок плановая социалистическая экономика напрочь забыла. Так и появился в стране город невест. На комбинатах на десяток ткачих был один мужичок-ремонтник, да и тот — почти всегда пьяный. Труд у ткачих тяжелый. Платили, правда, хорошо, а вот деньги особо девать некуда. Квартир при

социализме для одиноких не предполагалось, в магазинах — шаром покати, и оставалась одна дорожка — в ресторан. Дорогие рестораны в те времена были огромные, как спортивные залы. Пили и гуляли ткачихи с размахом, только и там с кавалерами было негусто. Этим и пользовалась наша студенческая компашка, изредка совершая походы «динаму» крутить. «Динама» заключалась в том, что скромные студенты заказывали копеечный салатик и модный тогда кофе-гляссе и ждали, пока музыканты объявят белый танец, и подвыпившие ткачихи рванут приглашать одиноких парней. Дальше все проходило по одному сценарию. Какая-нибудь из ткачих после знакомства приглашала бедного студента присесть за их дамский столик, а потом туда же подтягивалась и остальная студенческая братия. Дамы получали мужское внимание, которого им так не хватало в обыденной жизни, студенты — выпивку и закуску. Все честно! Главное — вовремя и тактично смыться, так как дамы частенько после ресторана требовали «продолжения банкета». В общем, классическая известная девичья «динама», только наоборот. На «динаму» ходили нечасто, — в основном мы, конечно, гуляли на свои, — так уж, перед самой стипендией, когда последний «рупь» в кармане оставался, и нестерпимо выпить хотелось...

Был у нас в знакомых один парень — Семен. Чернявый рослый крепыш с Южной Украины. Хороший был парень, только вот выпить мог без меры и, если начинал — не мог остановиться и пил до беспамятства. В компаниях он все

рюмки считал, и, чтобы не сбиться, спички на стол выкладывал. Норму соблюдал — двадцать рюмок, и все! На «динаму» с нами попал впервые, но все понял сразу. Уже после первого танца по-хозяйски расположился за соседним дамским столиком и благосклонно наворачивал дармовой салат под водочку. Дабы норму соблюсти, спички привычно на стол выкладывал. Но тут промашка вышла. Пока Семен танцевал, выполняя свой долг кавалера, одна из оставшихся за столиком дамочек решила порядок на столе навести, и спички все в коробок прибрала. Семен наш, обнаружив полный коробок, не сильно расстроился и просто начал отсчет сначала. В общем, в конце вечера все наши попытки увести его домой были тщетны. Семен брыкался, мычал и требовал продолжения банкета...

В общаге появился он только через три дня, ночью, с порога запросил два рубля для расчета с таксистом и выставил на стол бутылку водки и кусок колбасы. Смотреть на него было больно... Видок у него — точно у загнанной собаки. Опухший от пьянства, с дикими глазами, он еле держался на ногах. На следующий день поведал он нам свою страшную историю. В общем, то, что было в ресторане, да и в первую ночь после загула, он, конечно, не помнил. Очнулся уже днем — рядом блондинка пышногрудая. В ресторане вроде брюнетка была, а, впрочем, — какая разница. Стол уже накрыт — водочка, закуска, все как полагается. Выпили, закусили, в постель забрались. Очнулся — вроде ночь на

дворе, рядом брюнетка, незнакомая. Семен вроде домой, но брюнетка за стол усадила. Коробка со спичками спасительного с собой не было, да и не до него как-то. Опять в постель забрались. Парень Семен крепкий — долг кавалера в постели выполнял исправно. Проснулся — опять блондинка. В общем, пустили нашего Сему по кругу. На третий день стало не до шуток. Их тут целая общага. Он один, да и пьянка непрерывная сил не добавляет, так ведь и кони двинуть недолго. За окнами сосны — окраина города, денег ни копейки, куда бежать, не знает. Ночью тихонько встал, пока очередная подруга спит, кое-как штаны натянул. Водку со стола прихватил, да колбасы кусок, и — тикать. Через окно — благо, первый этаж. А вдогонку слышит: «Вернись, Семен!!!» Часа два такси ловил. Все водилы от него шарахались. В общем, погулял парень крепко. С тех пор на «динаму» Семен больше ни ногой...

3

Еще абитуриентом я с удивлением обнаружил, что в институт вместе со мной поступало несколько человек из моего родного города, и вообще, в институте учился довольно большое количество выходцев с Западной Украины. В основном это были евреи. В российской глубинке отношение к пятой графе, в которой в те времена в паспорте указывалась национальность, было значительно более спокойным, чем на Украине. Национализм на Украине, особенно в за-

падной ее части, был уже тогда, и евреям в вузы путь был закрыт. Евреи, конечно, были совершенно обрусевшими. Про иврит или там идиш знали только понаслышке, лихо пили водку и портвейн наравне с русаками и ничем, кроме фамилий, не выделялись. До сих пор помню, что один из полковников с военной кафедры так и не смог выучить фамилию Шехтер и всегда называл бедолагу-студента «курсант Шахтер». С земляками я быстро познакомился, жили мы все в одной общаге весело, беззаботно и очень дружно.

Я называл это нашествие выходцев с Украины на вузы российской глубинки внутренней эмиграцией. В родном мне городе Черновцах евреев было очень много, и я воочию мог наблюдать, как зарождались и текли волны эмиграции внешней. Во времена Сталина, да и Хрущева понятия еврейской эмиграции не существовало. При Брежнев, в самом конце 60-х годов, советское руководство вдруг разрешило выезд евреев из страны развитого социализма в страну загнивающего капитализма — Израиль. Что послужило причиной такого странного решения — непонятно. В то время, после войны 1967 года, когда Израиль за шесть дней вдребезги разгромил Египет вместе со всеми его союзниками и легко превратил в металлолом огромное количество советских танков и самолетов, Советский Союз, обидевшись, разорвал дипломатические отношения с Израилем. Похоже, считалось, что желающих выехать в воюющую страну будет немного. Но евреи вдруг очень захотели на историческую родину. Так как вы-

езжать разрешали только к родственникам в качестве воссоединения семей, возник целый подпольный бизнес фиктивных браков. Ивановы, Петровы становились Рабиновичами и Шлеймовичами и осаждали ОВИРы с просьбой отпустить их из самой лучшей в мире страны в самую худшую. Опомнившись, руководство начало травлю желающих уехать. Их с позором исключали из партии, выгоняли с работы и по полгода мурыжили с документами. До сих пор помню, как на комсомольском собрании школы гвоздили позором комсорга школы, у которого родители подали документы на выезд. Комсорг клялся, что в душе он есть и будет комсомольцем, и по приезду в Израиль обязательно вступит в еврейскую коммунистическую партию и будет бороться против израильской военщины. Присутствующий на собрании партийный функционер на полном серьезе предлагал ему отказаться от родителей и обещал материальную и моральную помощь. Поняв, что еврейского Павлика Морозова не получилось, комсорга исключили из комсомола и заодно выгнали из школы. Еще несколько месяцев бывший комсорг болтался по городу, радуясь внезапно свалившимся на него каникулам. В те годы и была дана негласная команда — евреев в вузы не принимать, из органов потихоньку гнать. Вот и потянулись еврейские отпрыски в российскую глубинку, где по старинке все еще принимали в институты без учета пятой графы в паспорте. Большинство из них просто таким образом косили от армии в ожидании, пока их папы не найдут способ

приобрести себе родственников за границей. За время учебы я проводил за бугор нескольких своих друзей-евреев. Особенно запомнились проводы Лазаря Зильбермана, по прозвищу Лунь. Лунь, длинный, нескладный, рыжий, с истинно еврейским носом, всегда был очень примерным студентом. Исправно посещал лекции, ровно, без неудов, сдавал сессии и даже гулял как-то осторожно, всегда трезво и расчетливо. И вдруг наш примерный Лунь перестал ходить в институт, а если и появлялся, то отмечался у старосты и сразу линял.

— Все, значит уже скоро, — решили мы и как-то вечером, зажав Луня на кухне в углу, потребовали, — Колись!

— Не знаю, когда, — честно признался Лунь, — но папа сказал, что скоро.

— Ты хоть понимаешь, что это навсегда, что обратного пути нет, что не просто Родину предаешь, ты нас, лучших друзей, покидаешь! — наезжали дружбапы.

— Понимаю, — грустно вздыхал Лунь.

— Тогда проводы давай, по полной! — потребовала студенческая братия.

По слухам, в Черновцах папа Луня был то ли завскладом, то ли завмагом, то есть уважаемым состоятельным человеком. Разработали легенду, что комсорг факультета — гадина — откуда-то пронюхал, что студент Зильберман намерен предать социалистическую Родину, и уже готовит комсомольское собрание, дабы исключить предателя из комсомола и института, и даже договорился с военкоматом, что

отщепенца сразу загребут в армию, не дожидаясь очередного призыва. Единственный способ спасения ситуации — за добрить пьяницу-комсорга вместе с его друзьями. Лунь под контролем нашей компашки всю эту чушь выложил папе по телефону. Сто рублей телеграфом мы получили на следующий день. Стол в ресторане ломился. Пьяный Лунь клялся всем в вечной любви и обещал всех нас сделать своими родственниками-евреями и вывезти в капиталистический рай. Сто рублей кончились быстро, но проклятый комсорг был ненасытен. Мы снова сопроводили Луня на переговорный пункт. Следующую сотню мы прогуливали дольше, но и она тоже закончилась.

— К телефону! — требовала вошедшая в раж команда.

— Больше не поверит, — ныл Лунь.

Тогда мы сами дали телеграмму: «Ситуация накаляется зпт вышли еще сто».

К нашему удивлению, сотка была выслана незамедлительно.

— Кабак надо менять, — решили мы, — подумают, что студенты банк грабанули, ментов призовут.

Утром в пивбаре устроили военный совет.

— Бабки у папы есть, и девать их некуда, с собой ведь не вывезешь, да и кому там нужны, наши рубли, — глубокомысленно рассуждал самый мудрый еврей Миша.

Лунь плакал пьяными слезами и беспрерывно повторял:

— Папа меня прибьет. Он ведь дома каждую копейку счи-

тает.

— Не прибуьет. Максимум, слегка покалечит, да и то — вряд ли, медицина там денег стоит, это у нас все бесплатно, — успокаивал его Миша.

В общем, вечером дали еще телеграмму. В ожидании очередной сотки мы снова завалились в кабак, тратя все, что еще пока оставалось. Прошло несколько дней — денег не было. Вечером устроили военный совет. На сухую думалось плохо, решили заслать гонца в магазин. На совете нас осталось четверо — остальные, устав провожать, занялись учебой, ведь на носу была сессия. Денег наскребли из всех карманов на три бутылки водки и закуску. Решили поесть по-человечески. Составили меню: плавленые сырки, консервы рыбные всякие, томатный сок и конфеты. В общем, все, что было в магазинах на то время. Вообще, Лунь предлагал взять две бутылки и побольше консервов, а то вдруг денег не получим, и впереди ожидаются голодные времена, но нас, оптимистов, оказалось большинство. В магазин послали друга Диму из Киева. У того была знакомая продавщица, вдруг еще чего поесть из-под прилавка достанет. Дима появился счастливый:

— Мужики, представляете, — я по дороге рубль нашел, впервые в жизни. Вот так просто зашел в магазин, а он лежит себе на полу, меня дожидается. Представляете, ведь на целых четыре бутылки хватило и еще на закуску чуть осталось. На столе появилось четыре бутылки водки, буханка хлеба

и банка майонеза.

— Бутылка на брата, это по-нашему, по-русски, — констатировал факт еврей Миша.

Пили тогда действительно по-русски. Сначала наливали по полному стакану, выпивали и ждали, пока ударит по голове, и в животе разольется горячее тепло, а уже потом неспеша закусывали и помаленьку добавляли весь вечер. К ночи водка, хлеб и майонез кончились, но приличной идеи так и не появилось. Были, конечно, предложения якобы сломать Луню руку и послать папе фотографию с рукой в гипсе, или подговорить знакомую девчонку, чтобы она позвонила богатенькому предку и заявила, что беременна от его сына и потребовала бы денег на аборт, или организовать фиктивное письмо из деканата с последним китайским предупреждением об исключении. Но все упиралось в категоричное утверждение Луня:

— Больше не поверит!

Все решилось само собой на следующий день. Папа прислал 50 рублей и телеграмму: «Забирай документы зпт выезжай срочно». После покупки билетов еще оставалась весьма приличная сумма, на которую мы и организовали очередной и уже точно последний банкет в общаге. Пьяненький Лунь торжественно раздаривал друзьям свое имущество.

— Пусть даже татары не говорят, что евреи жадные, — завершил раздачу подарков Лунь, вручая свой изрядно поношенный полушубок татарину Толику. Раздал все. Уезжал

он с одним маленьким портфельчиком. В последнюю минуту на вокзале мудрый Миша со словами:

— Там зимы нет, там шапки не носят, — снял с Луня его гордость — модную замшевую шапку — и взамен напялил лыжную шапочку с крупными буквами «СССР».

Через несколько месяцев от Луня пришло письмо с иностранным штемпелем. В конверте была только фотография, на которой Лунь в белоснежном костюме обнимал пальму на берегу синего моря. Письма не было.

— Письмо гэбэшники вытащили, — решил мы.

Говорят, что потом Лазарь перебрался в Штаты, где и живет до сих пор. Я его с тех пор больше не видел.

4

Белый костюм с фотографии Лазаря не давал спокойно спать татарину Толику. Вообще-то он был или Тимур, или Тагир, но у нас на курсе сразу стал Толиком. Про свою мечту Толик говорил при каждом удобном и неудобном случае. Парень он был хороший, добрый, но маленького роста, страшноватый и у девушек успехом не пользовался. Из всей нашей компании он единственный в городе невест умудрялся оставаться девственником, над чем мы частенько подсмеивались. Белый же костюм, в его представлении, должен был стать пропуском в настоящую жизнь, полную сексуальных приключений. И вот к его совершеннолетию, скинувшись в общий котел, мы решили подарить Толику настоящий бе-

лый костюм. Найти такой в ивановских пустых магазинах было невозможно, и мы заказали его в швейной мастерской. При этом подклад в мастерской был только черный и красный, пуговицы черные или малиновые. Мы выбрали красный подклад и малиновые пуговицы. В день рождения под громкие аплодисменты и крики «Ура!» вручили мы торжественно наш общий подарок. С размером слегка не угадали — шили же без примерок, на глазок. Пиджак получился слегка мешковатым и рукава длинноваты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.